

АРМЯНСКИЕ КЛАССИКИ В КРУГУ ИНТЕРЕСОВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

(Письма П. Н. Беркова Т. С. Ахумяну)

В составе книги, подготовленной и изданной в свое время Ереванским государственным университетом¹, имеется довольно обширная библиография, дающая представление о количестве и об уровне обращений русской литературной критики к явлениям армянской литературы. Библиография охватывает период в шесть десятилетий (до конца 1980-х гг.), в ней около тысячи единиц, а просмотрев именной указатель, можно увидеть здесь немало имен, представляющих что называется «цвет» русской литературной критики этих десятилетий, равно как и хорошо известные имена из русской литературы — поэзии, прозы. Понятно, что уже по такому факту, сигналу мы можем судить об уровне восприятия, освоения, а также и преподнесения материала, явлений, фигур армянской литературы заинтересованными в ней русскими авторами. Судить об уровне мы можем и по тому, что в библиографии появляются пусть немногие, но высокоавторитетные имена из русского фундаментального, или академического литературоведения, а среди них одно, несомненно обладающее крупным, опорным значением, — имя замечательного ленинградского (сегодня, видимо, следует сказать: петербургского) ученого, члена-корреспондента АН СССР Павла Наумовича Беркова (1896—1969), многочисленные и разносторонние труды которого стали серьезным вкладом в российскую гуманитарную культуру века.

Обратимся к еще одной библиографии — к изданной АН СССР в 1982 году книге «Павел Наумович Берков» (в серии «Библиография ученых СССР»). Ее предваряет написанный Д. С. Лихачевым очерк научной, педагогической и общественной деятельности П. Н. Беркова, после чего следует три раздела (литература о жизни и трудах П. Н. Беркова; рецензии на труды П. Н. Беркова; хронологический указатель трудов), содержащие более тысячи единиц, в том числе на европейских языках. Данные этой книги красноречиво говорят о масштабах деятельности, о широте и разнообразии, основательности и системности интересов, о громадности опыта и эрудиции, о востинну поразительной неустанности, продуктивности П. Н. Беркова — литературоведа-универсала, культуроведа, книговеда и библиофила, педагога, общественно отзывчивого деятеля литературной науки.

Завершая посвященный П. Н. Беркову очерк, академик Д. С. Лихачев пишет: «Разносторонность научных интересов П. Н. — это разносторонность тех личностей, которые он изучал. Он занимался тем, чем занимались они. Он жил их интересами, проходил вслед за ними их путь. Он работал часто не по своей специальности, а по специальности тех, кого он изучал, сохраняя за собой главную свою специальность — человековедение. В своем интересе к людям и к создаваемой ими культуре, в своем глубоком уважении и любви к русской культуре и к культуре народов Советского Союза П. Н. Берков был подлинным гуманистом. Он был гуманист и поэтому, что в своем лице воскресил тип ученых эпохи гуманизма — с их глубокими филологическими познаниями, с их поражающей эрудицией и разносторонностью и их «бenedиктинским трудолюбием»².

Автор фундаментальных трудов о русской литературе XVIII века, П. Н. Берков плодотворно разрабатывал и вопросы теории литературы, методологии и техники

¹ Армянская литература в русской советской критике. Библиография. Статьи, Ереван, изд. ЕГУ, 1989.

² Вышеуказанная книга, с. 31.

исследования литературы, с особым интересом погружался в сравнительное литературоведение, в наблюдение, раскрытие литературных связей. Часть разностороннего научного его наследия отражает долгие занятия по изучению литературы народов советского государства. В сборнике трудов П. Н. Беркова «Проблемы исторического развития литературы», изданном в 1981 году, один из трех разделов («Литература народов СССР») представляет избранное из его статей этой тематики, и одна из пяти статей в разделе сборника—это «Поэт и народ в художественном сознании Ованеса Туманяна». Как пишет автор предисловия к этой книге Д. С. Лихачев: «П. Н. Беркова интересовала не только проблема взаимодействия русской литературы с литературами братских народов, но и каждая национальная культура: ее истоки, история, вклад в сокровищницу мировой культуры, созданную человечеством на протяжении веков». Внимание ученого к миру армянской культуры, литературы, ее вкладу в общечеловеческую сокровищницу сказалось серьезными статьями, посвященными армянским классикам—Хачатуру Абовяну, Ованесу Туманяну, Аветику Исаакяну. К материалу армянской литературы обращался он и в общего характера работах соответствующей проблематики (см., к примеру, в составе вышеуказанного сборника статью «Проблемы изучения межнациональных литературных отношений: Литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литературы»).

В Армению, в мир ее истории, культуры, литературы литературоведа, культуроведа П. Н. Беркова привел, можно сказать так, Валерий Брюсов с его антологией «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (1916), с его работами, посвященными армянской истории и поэзии. С Брюсовым же связаны три приезда П. Н. Беркова в Ереван, расширившие сферу его контактов с материалом и средой армянской культуры, литературы. П. Н. Берков выступал с докладами на I, II и III Брюсовских чтениях в Ереване в 1962, 1963 и 1966 годах, он же освещал эти чтения на страницах академических журналов «Известия АН СССР» (ОЛЯ) и «Русская литература». Брюсовские чтения, явнившиеся для ленинградского ученого несомненно привлекательным научно-литературным мероприятием, подарили ему и счастливую «личную встречу»—знакомство, очень скоро перешедшее в дружбу, с замечательным человеком, видным деятелем культуры, литературы, просвещения, писателем, критиком, преподавателем с двумя родными мирами и языками—армянским и русским, с собратом по поколению, по интересам, по наполнению жизни—профессором Ереванского института имени В. Брюсова Тиграном Семеновичем Ахумяном (1894—1973). В одном из писем Берковым будет сказано Ахумяну: «... встреча с Вами—самое сильное и дорогое событие в моих отношениях с людьми за последние десять лет».

Приведем вкратце несколько данных, и пусть сами они говорят о Т. С. Ахумяне. Из десятилетия в десятилетие разносторонняя, неустанная литературно-культурная, общественная, образовательно-педагогическая работа: шестнадцать пьес, сотни стихотворений на армянском и русском языках, часть которых публиковалась в периодических изданиях, а часть вышла двумя отдельными сборниками; монография о драматургии Дереника Демирчяна, книги о Чехове, Грнбоедове, два тома «Литературных статей и воспоминаний» (на русском языке), отдельная книга воспоминаний на армянском языке; около тысячи газетно-журнальных статей, более пятисот литературных докладов и лекций, активное участие в обсуждениях вопросов театра, музыки и т. п.; переводы более девяноста пьес с русского языка на армянский и с армянского на русский, увлеченная и увлекающая студенческую аудиторию преподавательская работа... Не проступает ли за всем этим еще один образец (пользуясь словами Д. С. Лихачева о Беркове) «поражающей эрудиции и разносторонности и «бенедиктинского трудолюбия»? Взаимопряжение, сближение П. Н. Беркова и Т. С. Ахумяна было исполненным радостью «узнавания» сближением двух личностей, произращенных культурой, растущих ее в себе и возвращающих вокруг. Литературная и человеческая содержательность этого сближения раскрывается в публикуемых ниже письмах, примечательных и по отраженности в них интереса русского ученого к Армении и армянской литературе, и по запечатленному ими уровню общения двух истинных гуманитариев, то есть, памятуя о латинском «humanitas», людей образованности, духовной культуры.

Ленинград, 13. II. 63

Дорогой Тигран Семенович!

Ваши письма и коллекция оттисков очень обрадовали меня: одно время я боялся, что был, может быть, слишком навязчив со своей дружбой и что Вам все это неприятно. Ваши письма меня успокоили и обрадовали. Вы правы: дружба в нашем возрасте может быть только настоящей.

Очень рад я и тому, что Вы поехали в Латвию читать лекции по армянской литературе. Я не сомневаюсь в том, что Ваши лекции имеют заслуженный успех: я слышал Ваш доклад о Брюсове и Горьком, читал Ваши статьи и представляю себе, как внутренне содержательны и внешне стройны и красивы Ваши лекции. Армяне—народ зодчих, у них чувство архитектоники очень развито, и не только в пространственных искусствах, но и во временных: музыке, литературе.

Ваши статьи мне очень понравились, в особенности «Ваан Терян и символизм», «Литературно-художественные взгляды Ваана Теряна» и «Воспоминания о Горьком», то есть все то, что я успел пока прочесть: дело в том, что я получил Ваши оттиски накануне отъезда в Москву, где пробыл до 8. II, а по возвращении мы переезжали из Комарова в Ленинград. Думаю, что мне понравятся и остальные (я начал читать Ваши воспоминания о Чаренце).

Еще раз благодарю Вас за письма и за оттиски, а главное за память и за дружбу (...)

Ваш П. Берков*

2.

Ленинград, 29. IV. 63.

... Вчера я вышел из больницы, где находился на обследовании,— (все оказалось благополучно),— и поэтому с запозданием посылаю первомайские поздравления.

Большое спасибо Вам за теплую телеграмму, полученную сегодня вечером.

В свою очередь Софья Михайловна и я шлем Вам сердечные поздравления и наилучшие пожелания к 1-му мая (и не только, конечно, к 1-му мая).

Посылал ли я Вам оттиски своих статей? К сожалению, у меня нет оттисков моих работ по армянской литературе, о которых Ваше мнение было бы мне особенно интересно. Я имею в виду:

1. Великий армянский демократ-просветитель (К 100-летию со дня смерти Хачатура Абовяна)—«Ленинградская правда», 1948, 23 сентября, № 226, стр. 3.

2. Великий армянский патриот-демократ. К 150-летию со дня рождения Хачатура Абовяна.—«Нева», 1955, № 7, стр. 165—168.

3. Проблемы изучения межнациональных литературных отношений.—«Материалы первой научной сессии, посвященной лит-ным связям...», Тбилиси, 1962, стр. 8—22.

4. Две поэмы Аветика Исаакяна.—«Аветик Исаакян в русской критике». Ереван, 1961, стр. 143—167.

* В дальнейшем опускаются обращения, а также и формулы прощания (последняя дана лишь в заключительном письме). За предоставление писем публикатор выражает благодарность наследователю архива Т. С. Ахумяна, профессору ЕГУ С. Т. Ахумяну.

В каждой из этих статей я стремился сказать нечто свое, новое по тому или иному вопросу. В статье под № 3-я, между прочим, ставлю вопрос об отношении стихотворения Исаакяна «С посохом в руке дрожашей» (пер. Вяч. Иванова) и стихотворения Иоанна Непомука Фогля «Узнавание».

Был бы очень рад, если бы Вы нашли время достать и прочитать эти статьи или хотя бы три последние. В статье об Абовяне в «Неве» тоже есть свежие материалы. (...)

3.

Ленинград, 17. V. 63

... В своем письме, таком милом, дружественном, деликатном, Вы затронули ряд вопросов, связанных с моею статьей о Х. Абовяне. Большое спасибо Вам и за письмо, и за критику! По правде скажу: когда я писал статью о «Ранах Армении», я имел в виду больше армянского читателя, чем ленинградского или вообще не-армянского. Но, увы! об этой статье я никаких откликов не нашел. Вы—первый. Замечу только кстати, что и Вы, в принципе соглашаясь с возможным импульсом со стороны «Тараса Бульбы», фактически отводите это предположение ссылкой на то, что «позма» Гоголя в «окончательно переработанном виде» была издана в 1842 г., в то время как Абовян приступил к написанию «Ран Армении» в конце 30-х годов. Я перечитал свою статью и вижу, что в ней ссылок на издание 1842 г. нет, да и не могло быть, т. к. вопросы хронологической последовательности мною были учтены: первая редакция «Тараса Бульбы» была опубликована в 1935 г. в составе «Миргорода» (ч. II), т. е. до того как Абовян приступил к «Ранам Армении».

Вы правы, задавая вопрос: «Какие документальные данные есть у меня (т. е. не у Вас, а у меня), чтобы утверждать, что Х. Аб. безусловно читал Гоголя?» Документальных данных нет, но «Миргород», «Ревизор», «Вечера на хуторе» были тогда крупнейшими явлениями русской литературы, и можно, конечно, утверждать, вслед за историками XVII—XVIII вв. «quod non est in documentis, non est in mundo» («что не подтверждено документами, не существует вообще»),—однако и без подтверждения документами мы признаем многие факты,—по аналогии, по наличию отражений, по сомнительности противоположного предположения и т. д.

Вы высказываете надежду, что я восприму Вашу критику *sine ira et studio*. А как же иначе могу я воспринять такую деликатную дружескую критику? Я рад, что, по крайней мере, один армянский читатель познакомился с моей работой и не отверг ее целиком, только потому, что она написана человеком, не знающим армянского языка и поэтому (!?) не имеющим права судить об Абовяне и вообще об армянской литературе.

По правде сказать, я просил Вас прочесть мои статьи по армянской литературе (вторую—о двух поэмах Ав. Исаакяна pošлю Вам завтра, до оттисков!), чтобы услышать авторитетное суждение—представляют ли мои размышления об армянской литературе интерес для читателей-армян,—и решить вопрос, следует ли мне продолжать печатать свои статьи по национальным литературам.

Как это ни досадно, но очень часто,—в особенности во время эвакуации в Киргизии,—мне приходилось слышать, что не-киргизы не должны заниматься «их» эпосом и литературой. Пришлось мне столкнуться,—не в такой, правда, резкой форме,—с этим и в Грузии. Молчание армянских литературоведов о моей статье, посвященной «Ранам Армении», я считал проявлением того же отрицательного отношения к «вторжению» «чужака» в армянскую литературную науку. Видимо, я

ошибся — должно быть, причиной молчания было то, что моя статья не была известна армянским читателям. Хоть это огорчительно, но лучше, чем молчание первого рода.

Очень порадовало меня то, что Вы пишете об обязанностях людей нашего поколения перед молодежью, перед наукой, — в конце концов, перед историей, — поделиться своим опытом, рассказать о том (вернее, часть того), что мы знаем. Вы — первый, выразивший те же мысли, которые постоянно роятся в моей голове и с которыми спорят мои домашние и мои друзья, не говоря уже о врачах: «берегите себя; не жгите себя с двух концов; все равно, всего не расскажете; как бы Вы ни работали, спасибо Вам не скажут». В 1955 г., благодаря моей ученице, работавшей тогда редактором в Ленинградск. отд. Учпедгиза, вышла небольшая моя книга «Введение в технику литературоведческого исследования» (8 печ. л.). Книга имела успех не только в СССР, но и в ГДР, Польше, Чехословакии, Англии, США и даже Австралии. Мне хочется выпустить 2-ое издание не в 8, а в 50—60 печ. л., но ни времени, ни издательства соответствующего нет. Я убежден, что если бы мне удалось написать и издать эту книгу, то она была бы полезнейшим из всего того, что я сделал и делаю. Но... мечты! мечты!..

4.

Комарово,
Ленинградск. обл.
29. VI. 63

... Прошедший месяц был самым трудным для меня за весь прошедший год: мне пришлось выступать на трех докторских защитах (для последней лететь в Минск и обратно в течение полутора суток), отредактировать рукопись в 520 стр. (делая пометки почти на каждой странице), держать корректуру двух книг, нескольких статей (около 300 стр. печатного текста), принимать экзамены (5 дней), участвовать во множестве ученых и неученых советов, наконец, написать статью, хотя и небольшую, чуть больше печатного листа, и т. д. Поэтому как ни хотел я сразу ответить на Ваше милое, интересное, умное письмо, я был просто не в силах и решил написать его сразу же, как только немного освобожусь. Вчера был последний экзамен, позавчера я прилетел из Минска, сегодня закончил чтение очередной корректуры и — вот пишу Вам.

Начну сразу же с Вашего письма. Отправленное Вами 3 июня (согласно ереванскому почтовому штемпелю) оно 5 июня было в Ленинграде и в тот же день попало ко мне в Комарово. Я читал его и все время восклицал и вслух, и про себя — (простите за следующий ниже каламбур!): «Ах, умен, Ахумян!» Ваше письмо, такое дружественное, такое деликатное, подкупает прежде всего тонкостью и изяществом мысли.

Но, дорогой друг, быть умным, и даже очень умным, обладать тонкой и изящной мыслью вовсе не означает мыслить всегда правильно, безошибочно, непреложно. Я отнюдь не из упрямства отстаиваю свою точку зрения, а потому, что Ваши возражения натолкнули меня на дополнительные аргументы в пользу моей концепции. В Ваших возражениях я нашел неточные, неубедительные логические посылки, которые, как мне кажется, и привели Вас к отрицанию моей точки зрения. В то же время Ваше письмо убедило меня, что правильная в целом идея моей статьи, — из-за того, что статья была написана в один или в два дня, в июне 1960 г. (по непонятным мне причинам Л. Мкртчян, указав в примечаниях, что она написана в мае), сразу же после избрания меня в члены-корреспонденты АН СССР, когда я был очень еще взволнован совершенно неожиданным мною событием, — из-

ложена мною недостаточно четко. Если бы Ваши возражения были мне известны тогда, то, конечно, я сформулировал бы свои мысли с большей осторожностью и меньшей «прямолинейностью», меньшей «геометричностью».

Но довольно забегать вперед! Начну последовательно анализировать Ваши возражения.

Вы пишете: «... вторая (поэма) вся родилась и налилась могучей силой и живыми соками жизни только и только потому, что в ее основе лежит проблема **народ и революция** (...), ибо, согласитесь со мной, что все то, что совершает в этой поэме Мгер и то, как он это совершает, свидетельствует о его великой стихийной силе, перед которой ничто не устоит, а такой силой, такой духовной мощью, такой верой в свой светлый завтрашний день **может** обладать и **обладает** только **народ**, который никогда не знает упадка духа, разочарований и горестных резиньяций».

В этом Вашем тезисе есть ряд уязвимых мест, прежде всего то, что я назвал бы «закрытые глаза». Я имею в виду следующее: в «Мгере» Исаакяна есть два элемента — сюжет народной поэмы, от которого он никак не мог отклониться, — разве в мелких деталях, — и осмысление этого сюжета, целиком принадлежащее поэту. Поэтому стихийная сила, все поступки Мгера — это сюжетный материал, а не придуманный Исаакяном. У сюжетного материала — своя логика, свои закономерности, которые, правда, то в большей, то в меньшей степени влияют на **реализацию идеи** произведения Исаакяна, но **не представляют** этой идеи. Замысел «Мгера» в том, что герой **осознает** тяжелое положение бедного люда, тогда как сам бедный люд настолько подавлен своим тяжелым положением, что не может осознать его. Проследите, дорогой Тигран Семенович, как складываются отношения Мгера с бедным людом, — всегда ли бедняки его понимают, идут за ним, поддерживают его, выступают вместе с ним. Вы увидите, что, — по-видимому, бессознательно, хотя возможно и противоположное, — Исаакян показал, как интеллигенция, социалистически и демократически настроенная, вносит, — вернее, пытается внести, — в сознание народа светлые идеалы свободы и равенства. А Вы всего этого не видите, не хотите видеть, у Вас на это — «закрытые глаза». Вы зачарованы стихийной силой Мгера и делаете, казалось, вполне логичный вывод: «... такой силой, такой духовной мощью, такой верой (...) **обладает** только народ...» Если бы Вы были правы, то, казалось бы, поэма должна была бы кончаться иначе: Мгер призывает народ к борьбе, прозревший народ подымается под предводительством своего вождя против угнетателей — и одерживает победу. А ведь поэт сделал не так. Почему? Потому что или «все должны стать грешными», или «все должны стать безгрешными», — говорит эпос. Исаакян же говорит: «народ должен позвать Мгера». Как видите, это не так просто, как можно было бы ожидать. Мне очень досадно, что здесь, в Комарове, у меня нет под рукой текста Исаакяна, и я пишу по памяти. — может быть, не совсем точно излагая подробности. Но, в целом, — кажется, — я не отклоняюсь от текста.

Другое уязвимое место в приведенной цитате: Вы пишете, что народ «никогда не знает упадка духа, разочарования и горестных резиньяций». Ой ли! Даже в периоды великих бедствий, нашествия монголов, персидских набегов, турецкой резни 1915 г.? Это красиво получается у А. Исаакяна в стихотворении «Наши историки и наши гусаны»: монахи-аскеты плачут, а народ сидит за очагом и пьет вино, славит жизнь. А так ли это **всегда** в жизни? Я всегда (т. е. с 1908 г.) с живейшим интересом относился к армянской культуре, по мере возможности изучал ее, размышлял о ней; знакомясь с отдельными армянами у себя на родине, в Бессарабии, а затем в Ленинграде, пристально вглядывался в них, вдумывался в их психологию. Побывав в 1962 г. несколько дней в Ереване, я еще больше полюбил Ваш на-

род и культуру. Не мало способствовало этому и знакомство, хотя и очень коротенькое, с католиком, — и, — не сочтите это за простой комплимент, — с Вами. И все мои впечатления и размышления еще больше убеждают меня в гениальности А. Исаакяна, — в том, что «Мгер из Сасуна» — ответ на революцию 1917 г. Но здесь я должен обратиться ко второму Вашему тезису.

Вы пишете: «И в самом деле, почему бы не предположить, что поэт глубоко народный, всеми нитями своего сердца связанный с народом, им питаемый и им вдохновляемый, мог бы поставить в своих двух очень значительных поэмах именно эти две жизненно важные проблемы («интеллигенция и революция», «народ и революция»)? «Предположить» можно все что угодно. Вот «доказать» — это труднее, а то и вовсе невозможно. — Чем больше вдумываюсь я в Ваше письмо, тем яснее мне, что ответить на него письмом мне будет невозможно. Я пишу пятую страницу и чувствую, что и 1/5 своих соображений не высказал. Придется, дорогой друг, оставить наш спор до личной встречи, когда можно будет, — с текстом Исаакяна в руках, — вести дискуссию то ли в Ереване, то ли в Ленинграде.

Скажу только одно; даже если бы Вы, в качестве аргумента, в качестве *ultima ratio*, привели мне слова самого Исаакяна (буде таковые есть), что он имел в «Мгере» в виду — решить тему «народ и революция», я отвечу: «имел в виду» — одно, субъективные намерения — одно, а объективно — другое. Вы правы, что у меня «слишком симметрично», слишком прямолинейно получилось. Но я глубоко убежден своим внутренним чутьем исследователя в своей правоте. По крайней мере, до сих пор!... /.../

Большое спасибо вам, дорогой друг, за то, что Вы поддержали меня в моих интересах к армянской литературе и литературам народов СССР. Я только что выступил в Минске и тоже встретил сочувствие со стороны белорусов. Это меня радует.

Сегодня вечером я еду в Москву на четыре дня — на сессию АН. По возвращении должен буду отредактировать сборник в 500 страниц, написать две статьи по 1 печ. л., продержать корректуру листов в 25—28, написать две заметки в «Краткую литературную энциклопедию» и еще что-то такое сделать, — и после этого смогу отдохнуть. Но все же смогу писать письма, и буду очень рад, если Вы почтите меня ответом, на который я не отвечу таким трактатом, как настоящее письмо: не пугайтесь!!! /.../

5.

Комарово, 20. VIII. 63

... Спорить с Вами интересно... и полезно: Вы обнаруживаете в аргументации своего противника самые уязвимые (на первый, конечно, взгляд) места, гоните его в угол и с торжеством доказываете абсурдность выводов, к которым могут привести опешные, неряшливые формулировки правильных по существу мыслей. — Я устал не меньше Вашего, так как и сейчас работаю (по Вашему рецепту, дорогой друг!) невероятно много (за июль-август написал две статьи общим объемом в 3 печ. л., отредактировал книгу в 500 стр., отрецензировал «Избранные произведения» А. И. Белецкого, около 700 стр., держу корректуру т. I «Избр. соч.» Карамзина, читая дважды каждый лист, пока прочел 43 листа, и еще пишу много писем); однако спорить с Вами хочу.

Конечно, Вы правы: «... в основе «внутреннего чутья» исследователя всегда лежит нечто конкретное, внушаемое самим художественным произведением». Конечно, Вы правы: «... тогда ведь столь же закономерно «внутреннее чутье» и другого исследователя, и третьего, и пятого, и десятого». Конечно, «нельзя, стало быть, начисто игнорировать и авторскую мысль». Она должна в какой-то мере сдерживать

слишком вольные полеты нашего внутреннего чутья». Я нигде и никогда — ни в письмах к Вам, ни в одной из своих работ — не утверждал, что мое мнение (по какому-либо вопросу) — высшая, непреложная истина. Я и студентам своим говорю: «хотите, принимайте мои взгляды; хотите, не принимайте; я только хотел бы, чтобы вы (т. е. студенты) знали и другие точки зрения, и мою, а выберите сделайте сами; какая концепция **покажется** // вам более правильной, более убедительной, более аргументированной, более отвечающей интерпретируемому конкретному материалу — с той концепцией и соглашайтесь». Эти слова я всегда — мысленно — обращаю ко всякому будущему своему читателю, в том числе и к Вам, дорогой Тигран Семенович! Да, «столь же закономерно «внутреннее чутье» и другого исследователя», и «творческая мечта автора» (вроде, например, пояснений Гоголя к «Ревизору» и «Мертвым душам»!), но дело читателя разобраться в том, кто точнее, осторожнее в своих построениях и кто идет по протоптанной дороге традиций, не вчитываясь и вдумываясь в текст. Обойти «творческую мечту автора» мы «не должны» или «не можем»? Вы пишете: «мы не можем», но это «не можем» звучит как «должны» — в следующей фразе Вы пишете: «Она должна (почему?)... сдерживать (почему?) слишком вольные полеты (где мерило «вольности») нашего внутреннего чутья». С этим я никак согласиться не могу. — Читатель (я имею в виду, конечно, умного читателя), покупая книгу, или даже беря ее в библиотеке или у знакомых, сам создает себе представление о читаемом. Теоретически — таких представлений должно быть столько же, сколько индивидуальных отпечатков пальцев этих самых читателей. На деле, однако, в литературной науке фигурируют мнения небольшого числа «читателей», которые в то же время являются «исследователями». Каждое мнение на чем-то основано, чем-то обосновано. Именно это и создает «жизнь» и «жизненность» литературного произведения. Но из сказанного не следует, что **все** мнения правильны или **все** неправильны. Все, так или иначе, имеют **право** на существование — дело «студентов» (в широком смысле слова) выбрать более убедительное (до того времени, пока появится еще более убедительное) ...

6.

Ленинград, 23. I. 66

... Несомненно, Вы получили наш новогодний привет из Пятигорска, и мне не нужно было бы доказывать, что Ваше ехидное пожелание, чтобы я «так скоро не забывал Вашего далекого друга», тем самым утрачивает свою остроту. Но я снова хочу подтвердить, что я отнюдь не забыл Вас. Напротив, я полагал, что забыли меня Вы: Аршалуйс Егишеевна передала мне Ваш привет перед отправлением в Переделкино и обещание написать оттуда, а письма-то и не последовало. А я летом болел (затяжной приступ стенокардии), лежал в больнице, затем много работал и зимой почти свалился. С. М. и увезла меня в Пятигорск, где мы хорошо отдохнули и подремонтировались.

Надеюсь в 1966 г., если брюсовская сессия состоится, снова побывать в Армении, которую я искренно люблю и которую всегда хочу видеть. Ах, если бы я знал армянский язык! Мне так много хочется узнать об армянской культуре, но, увы! это неосуществимо..

7.

Ленинград, 7. XI. 66

... На Ваше милое письмо от 12 апреля с. г. я, по-видимому, не ответил и еще обижался, по своему скверному характеру, на Вас, что Вы не подтвердили получения моей книги «О людях и книгах», по-

сланной в мае—июне. Увидав в печати сообщение о выходе в свет Ваших «Литературных статей и воспоминаний» и не получая их (до вчерашнего дня), я уже готов был написать Вам письмо с упреками. Однако сама судьба устроила так, что я не успел осуществить свое злокозненное намерение: в конце октября—начале ноября я сделал несколько докладов подряд и переутомил сердце и к тому же простудился, в результате чего до сегодняшнего дня лежал в постели. Вчера пришла Ваша книга, и я немедленно накинулся на нее. Прочел статьи «Ваан Терьян и символизм!», «Некоторые замечания об образе Алексея Каренина», «Саят-Нова...» и почти все воспоминания. Какое наслаждение читать умную, добрую светлую, жизнеутверждающую книгу!.. Большое, огромное спасибо Вам, дорогой друг! И как я жалею, что мы живем не в одном городе, не можем встречаться, беседовать, спорить. Я, мне кажется, никогда никому не завидовал (по крайней мере, в сознательном возрасте), а Вам завидую: Вы видели и общались,— и близко общались,— с таким числом великих людей и сумели так великолепно, так психологически проникновенно обо всех рассказать, что, заглядывая в свое прошлое, чувствуешь, насколько оно бедно!.. Впрочем, я почти клеветчу на себя, говоря, что завидую Вам: у меня есть благодатное сознание, что я знаком с Вами и что Вы и в письмах и на книге начертали отрадное слово «друг»—а в нашем возрасте иметь друга много значит.

Так вот, дорогой друг, большое спасибо Вам еще раз! А спорить с Вами мы будем уже, вероятно, устно, когда (или точнее: если) приедем с С. М-ной в Ереван на 3-ьи Брюсовские чтения.

Чтобы Вы могли подготовиться к спору основательно, скажу Вам о главном предмете спора—это будет Ваше понимание символизма. И своеобразие спора будет состоять в том, что я не буду его защищать и не стану возражать против Вашей характеристики условий возникновения символизма, а только повторю начало последнего абзаца Вашей статьи об Алексее Каренине (стр. 171). В Вашем освещении символизм «реакционен (а он действительно реакционен)» (стр. 8), и я,—повторяю,—не стану с этим спорить. Но **только** ли реакционен он? Неужели так-таки ничего положительного он русской и мировой культуре не дал? Где основной принцип научно-объективного анализа всякого исторического явления—рассмотрение его в развитии, и с положительной, и с отрицательной стороны? Чтобы не говорить о положительных элементах символизма, проявившихся в творчестве Брюсова и Блока больше всего, Вы ставите под сомнение их символизм («... те, чей символизм лично для нас еще весьма проблематичен», стр. 44)... Словом, спорить, будем надеяться, мы станем при личном свидании (и тогда я Вас буду «зверски» упрекать, что Вы **оборвали** цитату из Вл. Соловьева, не приведя **самого главного** для этого поэта и философа:

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете,—
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете.)...

8.

Ленинград, 6. XI. 68

... Не сердитесь на меня, что я не пишу Вам. Хотя и не пишу, но помню и очень люблю Вас. Я считаю Вас одним из самых интересных людей, с которыми сталкивала меня судьба, и очень жалею, что мы так редко встречаемся, а переписка мне сейчас почти невозможна, настолько я завален всякими консультациями, отзывами на диссертации и пр.

Очень прошу верить моей искренности— мне незачем писать не то, что я думаю,— встреча с Вами для меня—самое сильное и дорогое

событие в моих отношениях с людьми за последние десять лет. Не сердитесь же на меня и пишите хоть изредка...

9.

Ленинград, 22. III. 69

... Благодарю Вас за большое и откровенное письмо. Не стану вновь анализировать причины перерывов в нашей переписке. Хочу только сказать, что меня **очень** обрадовало Ваше сообщение о сдаче в издательство 2-го тома Ваших воспоминаний. От первого тома у меня сохранилось самое благоприятное впечатление: Ваши очерки не только очаровательны по форме и содержанию, но и очень интересны как одна из разновидностей биографического жанра. В каждом Вашем очерке создан живой, яркий, выуклый портрет лица, о котором Вы пишете. Какими же средствами Вы добиваетесь такого поразительного успеха? Мне кажется, это происходит потому, что Вы, общаясь с человеком, сохраняя в памяти отдельные эпизоды, перечитывая его письма, статьи и т. д., и умом, и художественным чутьем отбираете только то, что отвечает **Вашему** пониманию данной личности. Может быть, в жизни Романос Меликян был **не совсем** таким, каким он изображен у Вас, может быть, он был **совсем не** таким, но Вы **заставляете** нас верить, что Меликян был именно таким.

В день получения Вашего письма, где Вы сообщаете о 2-м томе воспоминаний, я прочел в томе V сборника «Прометей» (1968) статью А. Моруа «Современная биография» и параллельную ей (так, в два столбца, напечатано!) статью А. Гладкова о книге А. Моруа «Типы биографий». И тем более интересно мне будет прочесть Ваш 2-ой том. Жаль только, что между моментом сдачи рукописи в издательство и моментом выхода книги в свет проходит так много времени! Но... будем ждать!

Еще хочу посоветоваться с Вами по одному вопросу! Акад. Ц: П. Агаян предложил мне написать для Туманяновского «Вестника общественных наук», редактором которого он является, статью к юбилею «на любую тему». Я предложил — не судите меня строго за хлестаковщину! — такую тему: «Сердце своего народа (Проблема поэта и народа в понимании О. Туманяна)». Не считаете ли Вы, что со стороны человека, не знающего армянского языка, это — наглость братья за такую тему? Но единственным извинением (если можно извинить) для меня может считаться то, что я искренно и бескорыстно люблю армянскую литературу. И, — если Вы считаете, что меня можно простить, или, хотя бы, извинить, — как Вы отнесетесь к моей концепции: три великих армянских поэта конца XIX — начала XX века воплощают в себе три ипостаси армянского народа: И. Иоаннисян — душа, О. Туманян — сердце, А. Исаакян — ум армянского народа. Это не значит, что может быть душа без сердца и ума или ум без сердца и души, или, наконец, сердце без души и ума. Я хочу сказать этим только то, что у каждого из трех великих поэтов, в творчестве каждого из них отразился **весь** армянский народ, но преимущественно какой-либо одной из форм своего жизненного проявления, какой-то одной ипостасью. Этим и объясняется предполагаемое заглавие моей предполагаемой статьи.

Если Вы не разнесете меня вдребезги за хлестаковщину и наглость, если Вы скажете: «Пишите! Чего только бумага не терпит!», то я дерзну и попробую написать. Но если Вы откровенно, по-дружески скажете мне, что писать такую статью не следует, янисколько не буду и не стану ее писать. Знайте только, — Ваше слово — для меня высший авторитет, а обид в таких случаях быть не должно, — и не будет!

Меня очень огорчает то, что Вы пишете о состоянии своего зре-

ния. И неужели ничем помочь нельзя? Впрочем, у меня почти то же самое происходит со слухом: слышу все хуже и хуже.

С. М. и я шлем Нине Львовне, Вам и всей Вашей семье сердечные благодарности за память и наши искренние приветы.

Желаю Вам всего-всего доброго.

Дружески Вас обнимаю.

Ваш П. Берков.

Ն. Ա. ԳՈՆԶԱՐ-ԽԱՆՁՅԱՆ— Հայ դասականները ուս գրականագիտության հետաքրքրությունների շրջանակում (Պ. Ն. Բերկովի նամակները Տ. Ս. Հախումյանին)։— Հայ գրականության նշանավոր երևույթներն ու դեմքերը դասակարգից գրավել են ուս գրաքննադատության և գրականագիտության ուշադրությունը։ Դրա վկայություններից են անվանի գրականագետ, ակադեմիկոս Պ. Ն. Բերկովի հոդվածները նվիրված Խ. Աբովյանին, Հ. Թումանյանին, Ավ. Իսահակյանին։ Դա դրսևորվում է նաև հրապարակվող նամակներում։ Ուշագրավ է նաև գրականության, գիտության, կրթության երկու նվիրյալների նամակներում արտացոլված փոխշփման մակարդակը։